

ЗМЕЯ КУСАЕТ СЕБЯ ЗА ХВОСТ

Рассказ

*Сны возвращают назад.
Мечты подобны снам.
Во снах мечты сбываются.
Наяву?..*

Калитка. Зеленая краска. Перед родительским днем красили вместе с бабушкой, много лет назад. Краска облупилась, покрылась грязными, рваными ранами. Обнажились кости досок, клыки ржавых гвоздей... Щеколда сорвана, но просто так не войти, калитка осунулась, постарела, вцепилась последними силами в землю. Ключья оцетинившейся травы, крапива на страже. Забор, омытый тысячами дождей, больше не похож на крепостные стены замка. Стар, хил, сер. Угрюмо косятся вразнобой доски, поддерживаемые стеблями плюща. Плющ тоже очень старый, нет той сочной, лоснящейся зелени. Пролежни сухих ветвей. Залысины...

Тогда же, за несколько дней до родительского, всей семьей белили забор. Пьяненький батя торопил, спрятанная от мамы с бабушкой записка ждала на заднем дворе между грядками с королевскими помидорами.

- Давай скорей, сына, скоро «В гостях у сказки» начнется.
- Так не воскресенье, какие сказки?!
- Я сам тебе такие истории расскажу, только рот разевать успевай. И я спешил.

Вишня встречала, низко склонив ветвистую голову над калиткой. Редкие черные переспелые вишни, лакомство детских лет, точками-кляксами смотрели сверху вниз беспросветной, беспощадной чернотой пистолетного дула.

«Предатель». Слышал, как шумят листья старого дерева: «Хватит патронов и на тебя!»

Дорожка у калитки – разбитые плиты. На одном уцелевшем от испытаний временем и войной куске плиты затертая надпись синей краской – слово «МАМА».

«Пусть всегда будет мама!» – написали у врат в семейную крепость с младшей сестрой. Жгучим южным летним днем в цветущую пору жизни, когда все распускается, брызжет красками, благоухает, живет...

«Пусть всегда будет мама!...»

Как заклинание. Молитва о счастье. Произнеси это много-много раз и почувствуй ток жизни. Мама – это жизнь. Дающая жизнь. Мама –

природа! Сад. Искалеченный. Но выживший сад за зеленой калиткой с дряхлым забором.

Он вечен. Страж. Страж человека, оберегавшего его.

Дальше по дорожке к дому – абрикосовое дерево. Сейчас это лишь обрубок, вызывающе, грозно торчащий из сухой земли корявым пальцем, как укор. Памятник человеческой слабости, жестокости.

В тени дерева скамейка. На ней поздними вечерами, когда небо ближе к людям, смотрит яркими звездами в глаза, мы любили разговаривать обо всем на свете. А с появлением телескопической трубы – папа купил в мой двенадцатый день рождения, – затаив дыхание, считали пятна на полной Луне и отслеживали полет звездочек-спутников...

Красили всегда скамейку под цвет калитки, как и заборчик, что тянется вдоль дороги к дому.

Дорога чувств и переживаний. Следы прощаний и встреч. По ней в рождение и в последний путь... Дорога вечная. Бесконечная...

Асфальт в жаркие июльские дни становился мягким, дышал под босыми ногами.

Тогда, в последний день, шел дождь, а в лужах на дорожке не было привычных отражений – ни облаков, ни зеленой листвы...

– Ты уже проводила нас навсегда. Ты знала, – сказал тихо, но все же спугнул одинокого воробья, прятавшегося под дверным козырьком.

Дверь, вечно голубая, со стеклом-окошком посередине, никогда не запиралась в прошлом. Когда можно босиком выбежать из дома, обжигая пятки, пробежаться до калитки и, чтобы без лишнего шума, не тревожа послеобеденный сон бабушки, перелезть через забор на улицу. А дальше в одних шортах, стреляя веснушками в улыбающихся прохожих, бежать навстречу ветру. Подпрыгивать и взлетать. Ноги знали дорогу. Бесстрашно шлепали по колючкам и лужам. Ты был непобедимым. Бесстрашным и сильным, нисколько не обижался, когда называли сушеным Гераклом.

Справа от дома, если стоять к нему лицом, – пристройка, летняя кухня, утопающая в кустах терна и цветах – ромашки, нарциссы, сирень. Теперь здесь пустота. За пристройкой рос страж сада – тутовник. С могучим неохватным стволом и раскинувшимися над домом ветвями. Великан приютил скворечник и качели и терпеливо оберегал с десятков ребятишек в сезон сбора тута. С него, забравшись в дождливый день по мокрому дереву, не боясь упасть, потому что знал, верил, что тутовник не позволит такому случиться, я и разглядел черные стрелы дыма – пожаров начавшейся войны.

Под ногами хрустнуло, спрыгнул с тутовника, вернулся к голубой

двери – серо-грязной, покрытой лишайником.

Тутовника словно и не бывало никогда – выжженная земля, пепел... Стеклой веранды из сотни мозаичных стекол тоже нет – их не стало с первыми ударами ракет.

«Земля-воздух», «земля-земля» – до начала беды эти словосочетания были такими привлекательными для мальчишки: завораживающими, интригующими, впрочем, как и все другие военные штуки...

Войнушка с соседним двором, где всегда побеждали «наши», вдруг ожила. Ненастоящее – стало дышать. Палки, выстроганные под пистолеты-автоматы, заблестели металлом. Налились свинцом. Палки стреляли пулями. Палки убивали насмерть.

Сердце, все это время застывшее наравне с дыханием в области души, пробудилось, когда, осмелившись, заглянул в рваную рану окна. Там в растерзанной гостиной под когда-то желтым плафоном лампы собиралась обедать семья. Сейчас – осколки камней и стекла под голубым небом крыши. Но это лишь для невооруженного глаза. Я сразу... даже не я, это глаза прошлого, глаза улыбчивого детства выхватили из хаоса крупицу спокойствия и тишины.

Слоник из набора слонов, выстроенных по росту на шкафу. Маленький, самый крохотный слоник уцелел в битве. В войне.

Желтая капелька солнца смотрит в меня, а я уже ищу ручку двери, потому что знаю: выбить старую дверь не составит труда, только я в век не сделаю этого. Я закрываю глаза и пролезаю, как делал больше сорока лет назад, в распахнутое окно лоджии, переливающейся разноцветной мозаикой.

Трава вместо привычного бабушкиного коврика, сразу у окна сундук, в нем хранятся вещи деда. Атрибуты двух войн. Третью, которую пережили мы, дед бы не пережил...

«Свои» не могут воевать со «своими».

Подбираю драгоценную находку. Сердце? Я стал одним большим сердцем. Душой. Я наконец ощутил, что такое – жизнь. Прикоснувшись к тому, что давно считал потерянным, мертвым.

На слонике ни царапинки.

– Прости, – шепчу ему, – седьмой.

По какой-то случайности у нас оказалось два комплекта слоников – на верхней полке между сервизами и чайниками. Обычно слоны стояли клином, знаком победы «V». Лишь подвыпивший отец мог замысловато выстроить их и убеждать нас, что именно так слоны и строятся во время битв.

Мама позволяла папе выпить рюмку-другую, он был главой, опо-

рой, героем... Это потом, когда разлетелась мозаика окон и посыпалась с потолка штукатурка, отец оступился. Капитулировал. Исчез в алкогольном тумане, проиграв войну. Он сдался. Утонул в бутылке и сгинул в конце концов в неизвестности.

Мама и бабуля с двумя детьми (мной и сестренкой) продолжали сопротивление.

И дом с садом встали на нашу защиту.

– Слоник, прости, – губами прикасаюсь к пластмассовой горячей плоти. – Теперь мы вместе. Снова.

Прячу уцелевшего седьмого в левый карман, поближе к себе, и делаю шаг в гостиную.

Слева зал и спальня родителей, там всегда наряжали елку и принимали гостей. Елка переливалась огнями, наполняя зал и наши сердца праздником. Чудом.

Туда и подселили по указке народного фронта первых квартирантов войны, молодого капитана с женой, которые с трудом говорили по-русски.

По ним пришелся первый удар.

Дворовая змея – гюрза коричневого цвета, больше метра длиной, судя по сброшенной коже, которую не раз доводилось находить в укромных местах сада и построек, дух дома. Бабушка верила, что это предок семьи – охранник очага и хозяин двора. И рассказывала, что Бог наградила змею, увенчав ее голову короной, за то, что та спасла Ноев ковчег, хвостом заткнув в нем дыру.

У нашей змеи действительно была такая корона, черная, почти фиолетовая. Запомнил я на всю жизнь нашу случайную молчаливую встречу под виноградником на заднем дворе. Я мочился в траву, а змея, видимо разбуженная моим вторжением, медленно уползала между ног к густым зарослям ежевики у забора.

Я не успел даже испугаться, только когда чешуя исчезла совсем, натянул шорты и бросился к дому.

– Надо же, пописал на дух предков...

Испугался я в ту первую ночь с квартирантами. Они заняли зал и хозяйничали там, передвигали мебель, вносили вещи, говорили на тарбарском, а ночью дом разбудили нечеловеческие крики.

Бабушка потом рассказала, что молодая жена проснулась от громкого шипения, она зажгла свет, а на решетке, во все окно, изогнулась наша гюрза.

Успокоила квартирантов бабушка, чаем напоила. Но на следующую

щую ночь история повторилась. И на следующую...

Съехали же они, когда капитан с женой проснулись, а между ними вытянутой струной – змея. Лежит-полеживает. В чем спали, так и выскочили из дома оккупанты. И ни в какую, наотрез отказывались возвращаться за вещами.

Помогал отцу собирать пожитки квартирантов войны, радуясь освобождению, и про себя, и вслух благодаря духа семьи, и извиняясь за тот случай на заднем дворе.

Счастье было недолгим, в город вошли войска, в дом солдаты.

Виноградник поселился в детской – она сразу за гостиной. Дикий, похожий на веревки-канаты, с коричневыми листьями и сухими плодами, он стелился по исчезнувшему паркету, кроватям, книжным полкам... Слева от входа, напротив печки, была моя кровать, дальше – сестры. У большого, во всю стену окна – письменные столы. С настольными лампами и карандашницами... За окном, на железных подпорках, – зеленым сводом виноградник. Пара прыжков, и вот они, гранатовые деревья.

Осенними ночами в теплой кровати любил слушать, как лопаются переспелые плоды граната.

Деревья просыпаются, когда люди спят. Только пес Рекс становился редким свидетелем бессловесной и непонятной перебранки.

Сад разговаривал в темноте – шорохом, шелестом, скрипом... Главный голос был, конечно, у старого тутовника, но старик спал вместе с домом. И за главного становился взрослый гранат – громкий, настойчивый, требовательный. С ним мог соперничать абрикос, но из скромности отмалчивался. Спорили два дерева алычи, кислая зеленая и красная сладкая. Айва пыталась докричаться с дальнего угла сада. Слива тогда, вместе с молодыми саженцами груши и яблока, просила быть благоразумными и не будить домашних. Вишни-скромницы, они со всеми соглашались. Инжир, мудрый и рассудительный, всегда прекращал споры на рассвете, и сад засыпал с первыми лучами, когда бабуля выходила во двор с поливочным шлангом.

Гранатники, три дерева в самом сердце сада и дома, разметили маршрут нашего отступления. Мы уходили. Сад и дом отпустили нас. Стены дома-крепости уже не могут защитить, и деревья не прикроют, не скроют, не спасут...

– Вы отпустили нас, – смотрел на уцелевший кусок стены дома – здесь висело зеркало, с помощью которого я ходил по потолку. Незабываемые ощущения, когда смотришь в отражение и боишься наступить

на желтый плафон в гостиной. Когда каждый шаг как в неизвестность. В начало. Начало конца.

И мы бежали, оставив сад и дом биться в одиночку.

На прощание абрикосовое дерево день за днем наливалось новыми плодами, не успевали их собирать. Ветки ломались под натиском огненных мини-солнц. Безжалостно абрикос махал нам, ломая и калеча себя.

Слива возле летней кухни засохла за одну ночь.

Попадали замертво птицы из скворечника на туге.

Дворовая змея не выползла, и кончик хвоста не показала нам на дорожку. Дух остался с домом и садом. Остался ждать.

Мне часто потом снилось, как она ползет вслед за уезжающим авто. Как умирает посреди шоссе, раздавленная грузовиком, но нас не оставившая. И я просыпался в ночи, и плакал, и не мог себе простить это бегство, и не мог ничего изменить...

Я ожидал, что на стене из трещин, обтянутых зеленым мхом, сложится слово «ПРЕДАТЕЛИ». Но вместо этого мох покрылся россыпью белых, словно рассыпана манная крупа, цветков.

Перешагиваю через дымоходную трубу; зимой, если подняться на задний двор, можно было увидеть застывший в морозном воздухе дымок, и я думал, что вот так человек соединяется с небом.

Иду, а на меня спасительным призраком ложится влажная тень от виноградных листьев.

Иду к одному уцелевшему гранатнику.

Поравнявшись с голыми ветвями дерева-скелета, замечаю крепко сбитый, коричневый плод с кулачок ребенка на самой дальней ветке.

«В самом небе».

– Я вернулся, – тихо говорю дереву-любимцу. – Я знал, ты выдержишь!

Подул ветер, всколыхнул волосы, воспоминания.

Мама просила нарвать ей алычи для компота.

– Покрасней которые! – кричала вслед.

Алыча была соседкой троицы гранатников. Я спешил на улицу, было совсем не до алычи и компота. И все бы закончилось для меня очень и очень плохо, может, и переломом позвоночника, и вечностью на инвалидной коляске или... Но, когда, соскользнув с опасно высокой ветки, я летел вниз, веером над собой рассыпая собранную алычу, молодой гранатник потянулся ко мне, и, вместо того чтобы упасть спиной на землю, я куклой повис на его когтистых ветках.

– Он тебя спас, наш гранат, – пробовал компот отец.

Мама снова шлепала меня, всхлипывала. И только маленькая сестра ничего не понимала.

Бабуля, как стемнело, долго ходила вокруг гранатников. Разговаривала с деревьями. Молилась.

– Ты ведь меня тогда спас, верно?! – сказал и потряс ветви в надежде, что собьют уцелевший гранат.

Вишни не смогли дать отпор солдатам, когда безликие, в камуфляже цвета хаки, с оружием наизготове те один за другим вошли в зеленую калитку. Деревья хлестали ветками по каскам. Стреляли косточками – выбили нескольким захватчикам глаза. Воины ломали кирзачами плиты на дорожке к дому. Черными шрамами изрезали надпись – посвящение всем мамам!

Победно вошли в дом, гогоча и хрюкая. Били посуду, зеркала, выбрасывали книги... Крошили жизнь. Увечили...

Слоны бросились в бой со шкафа, но проиграли в неравной схватке, раздавленные солдатскими сапогами.

А с наступлением ночи, когда люди и нелюди спят, сад с домом разработали план атаки.

Тутовник рухнул с рассветом на палатки солдат. Им не хватило места в доме, и они разбили лагерь на помидорных грядках под могучим деревом. Первый лучик солнца стал сигналом к действию, гулко вздохнув, великан заключил в объятия незваных гостей. Оставив под собой кровавое месиво. Раненые и кто уцелел выползали из-под кусков дерева, тут их и поджидали хлесткие лианы виноградника...

Следом за главой сада обрушилась крыша дома.

Оставшихся в живых врагов добивали гранатники. Взрываясь гранатами. Кроваво-алыми смертельными вспышками, взрывами окрашивая рассвет.

Размечая, как делал я не раз в контурных картах по истории и географии, красными стрелками и штрихпунктиром наше отступление на север.

– Ну вот, я вернулся, я бы все равно вернулся, – оправдываясь, сказал уцелевшему гранату. – Алычи, твоей соседки, нет. Так посадим новую. Подружитесь. И тебе найдем приятелей. Ничто не проходит бесследно. Все уничтожить не сможет ни жизнь, ни смерть. Что-нибудь да останется... И кое-что, но можно вернуть. Воскресить!

Обернулся. Увидел боковым зрением какое-то движение среди травы, и екнуло сердце: жива!

Дух дома, он ведь бессмертен!

И в подтверждение надо мной брызнул красным салютом последний выживший гранат:

– Здравствуй!

АЛАВЕДЕРЧИ. Петрушкина азбука

Главы из повести

Курорт и некоторые его обитатели

Кладбище возвышалось над поселком. Мертвые сторожили живых. У нас его называли курортом, не все, но многие. Бабушка говорила: им, – имея в виду мертвых, – там, как на курорте, тишина, лежат себе, покоем наслаждаются, вдали от проблем житейских и будней быта.

Для нас, мальчишек, походы на могилы родных тоже сродни поездке на курорт. Я обожал ходить с бабушкой по выходным на могилу к деду и остальным. Мы уходили на целый день, и не было ничего прекрасней вареного яйца, очищенного грубыми от непрекращающейся работы, мозолистыми руками бабушки, съеденного за столом в тени кладбищенских, ой, курортных, кипарисов. Вкусней яйца я не пробовал. Здесь все менялось: вкус, запах, цвет, ощущения... Наверное, отправясь в другую, далекую страну, скажем, в Бирму или Гренландию, чувствуешь то же самое.

Уже у подножия курортной горы понимаешь, что тропинка вверх уводит тебя от реальности в другое место. Из зеленой травы стреляют кузнечики и красные маки вспышками-кляксами. Маки здесь кровавей, а кипарисы печальней. Во время цветения ветер стряхивает серо-желтую пыльцу с хвои, и вот тогда ты попадаешь в призрачный мир жителей курорта. Оживают тени, сильнее слышны шорохи невидимого присутствия...

На курорте всегда много работы, в номере деда, ушедшего отдыхать еще до моего рождения, работ невпроворот всегда, говорит бабуля: покрасить оградку, столик с двумя скамейками, повыдергивать колючки с сорняками, побелить...

Бегал, петляя узкими дорожками между могилами-номерами, в начало курорта к бочке с водой, громко стуча алюминиевыми ведрами. Не потому, что боялся тех, кто теперь уже ничего не боится, тех, кто таится, кто невидим... Так я ощущал себя живым, гремел ведрами, отмечая свое присутствие. Живое присутствие. Пугал сонных птиц, бродячих собак и кошек.

Черная, ни пятнышка кроме черноты, кошка – частый гость в но-

мере деда. Как и странный туман-облако, что не раз приходилось наблюдать. Она появлялась из воздуха, обходила обязательный круг вокруг сонного ложа бабушки, забиралась на ограду. Следила глазами молчаливых обитателей за тем, как мы суетимся.

Отец утверждает, это хозяйка кладбища. Он не говорит «курорт», он нарочито подчеркивает смерть. У него: могилы, покойники, трупные дела, мертвая вода... Бабушка крестит его. Ничто не уходит бесследно, – говорит, – и камни своей жизнью живут, и почившие...

Черная надзирательша исчезала, как и странный туман, незаметно, была – и нет. А к гостинцам бабушки прибавлялось блюдо с молоком.

Первого гостя увидел под вечер, вернувшись проверить калитку (бабушка строго наказывала оставлять ограду открытой). Серебристая змея свернулась кольцами вокруг блюда, пила. Замер не от испуга, остановила с открытым ртом неожиданная раскраска змеи. В лучах закатного солнца, пробившихся сквозь мохнатые ветки курортных кипарисов и елей (лучи можно пересчитать, если задаться целью), шкура переливалась, искрилась, гипнотизировала. Да, да, именно так, кольца пришелицы, как нефтяное пятно, извивались радужными пятнами – вихрями, заманивая в свой круговорот, обездвиживая, путая мысли...

Кошка спрыгнула, словно с неба, разбила змеиные чары. Невидимыми мягкими кошачьими лапами она толкнула меня в грудь, убегая, успел краем глаза увидеть, как змея раскрученной пружиной отлетела за ограду, в неизвестность. А догнав бабушку возле бочки с водой у ворот, решил, что все это привиделось, разноцветные кольца хула-хупа скакали перед глазами, я никому о странной встрече-поединке не рассказал.

Много лет спустя я встречу эту змейку, застывшую браслетом, но узнаваемую, на тонком белом запястье одноклассницы, и в этот раз не будет кошки-спасительницы рядом. Змеиные чары увлекут, лишат рассудка, лишат воли, силы... сделают сентиментальным дураком. Это будет самая настоящая любовь на букву «з».

Буду я беззащитным, обезоруженным, зависимым... Зачарованным...

Будущее возможно увидеть, главное – знать, куда и как смотреть. Разглядеть в гипнотических кольцах змеи, в трещинах на асфальте, в облаках... в счастливом вечном времени детства...

Задание

По школе пронесся слух, в парке объявился человек с гусиной лапой.

Опоздавший школьник, из первоклашек, видел, как он прыгал по

елям.

– Будете на уроки вовремя приходить, – наша классная руководительница временами была действительно классной, – Мухин, случаем, не с ним заодно в ловитки играет, школу прогуливает?..

Я знал, что Серёга договорился о встрече с директором кладбища, а еще...

– Алтаев, тебе поручение, даже задание, двойное. До завтра узнать все о человеке с куриной лапой, – класс взорвался хохотом. – Что такое? Что я не так сказала? – класс поправил. – Гусиной, куриной, да хоть павлиньей лапой, – стараясь сохранить строгий тон, продолжала Светлана Александровна. – Итак, Пётр, твоя задача выяснить, что это за пугало и не замешан ли в этом безобразии твой друг Мухин.

6-й «а» класс снова превратился в палату номер 6.

– И ты смотри, Петя, не поддайся их влиянию, а то знаю я вас, чуть что, так давай с радости по деревьям скакать...

Тут она была права, наше последнее изобретение в сфере игр и развлечений – ловитки на дереве, хит летне-осеннего сезона.

Ловитки

Треугольник – место в нашем дворе, где происходили основные события жизни. Местами асфальтированная дорожка, в метра полтора длиной, четко очерчивала границы детства. По тропинке после сумерек прогуливались парочки, готовые нарушить границу, бежать, перейти на сторону врага. А что есть взросление, если не противник детства?..

Неизбежно враг подступал, отвоевывая территории и лучших бойцов...

Лёха Чемпель станет первой жертвой из нашей банды. Будет долго метаться между двух сторон границы, наконец, сдастся. Как-то вечером вместо ловиток отправится гулять по треугольнику под ручку с Олей Рожковой.

– Тяжелый я для ловиток на дереве, – скажет в оправдание. – Сколько можно падать? – напомнит о своей руке в гипсе трехмесячной давности и недавнем удачном падении на гору из ранцев. Впрочем, для ловиток с мячом он тоже оказался вдруг негодным:

– Крупный шибко, в меня легче попасть, да и бегать с мячом, что Рожок скажет?.. – Это он так Ольгу называл ласково, ага.

Слово «предатель» повисло на ветках деревьев, как будто специально высаженных для игры в ловитки в ряд по периметру треугольника.

«Перебежчик» – протрещали ласточки. «Взрослый» – шуршал ветер в кронах и высокой траве.

Взрослый – это не страшно, ну что такое, все становятся рано или поздно... Но так не хочется так скоро расстаться с Вечностью...

Двенадцать лет, тринадцать, ну еще годик, а задержаться в мире, где ты бессмертен и счастлив. Где ты бог.

– У меня другие ловитки, – грустно отшучивался Чемпель, кличку эту он унесет с собой за границу треугольника и дальше до самого курорта. Воспоминания – в точности, как гипс со сломанной руки, исписанный пожеланиями скорейшего выздоровлениями, в рожицах и черепах, – снимутся, переберутся сначала под кровать, потом в чулан. Выбросятся со временем. Забудутся. Сотрутся из памяти, сотрутся в пыль.

Другие ловитки – гонка за деньгами, удовольствием, работой, уважением, любовью, счастьем...

Мы отправились на деревья играть, где одно из условий, самое главное – ни в коем случае не касаться земли. Прикоснулся – пропал. Выбыл. Чемпель коснулся, Чемпион проиграл в соревновании с названием жизнь. Вечность больше не для него.

Он стал простым смертным. Как многие, как все, за границей 14+.

Чёрный час

Конечно, школа не менее опасна, чем курорт, просто не все учителя знают историю про госпиталь. Может, Сансанна в их числе.

Во время войны в школе размещался военный госпиталь, раненые умирали, тела хоронили в рощице за школой, а неупокоенные души остались в стенах заведения. И дают о себе знать время от времени.

В кабинете литературы, например, раз были перевернуты все портреты классиков лицом к стене. А это, как минимум, три метра высоты.

Или, было дело, ночной сторож дядя Саша рассказывал, как услышал, чего вовек не забудет. Он каждую ночь что-нибудь да слышал.

– Но в этот раз, – крестился пенсионер, – я и с чекушки пригубить не успел, а со стороны черного входа, там лестница в подвал, стон долгий, протяжный. У-у-у... Два круга секундная стрелка на часах в холле сделала, пока стон не оборвался, и тут же крик, явно мужчина, а в крике слова разобрать и прислушиваться не надо. Где моя голова?! Пришейте голову назад! Отдайте мою голову! Где голова?! И все в таком духе. Я уже сбился со счета, сколько кругов стрелка секундная намотала, от крика оглох, сплошным эхом стенанья обратились. Крестился, молился, успокоительное все с чекушки выпил, видно, под ним и уснул. А проснулся ни свет ни заря, и в подвал, страшно до жути, но обязанность вынуждает. Спустился, а там все стены и потолок в крови, это я сначала подумал, чуть сердце в руки не выскочило. Краска то была, эмульсионка, половина банок раску-

рочена, будто взорвались сами по себе. После этого попа и пригласили освятить школу, только по секрету, время было такое...

Была еще история о пропавшем мальчишке-хулигане, курившем на чердаке. Будто забрался как-то в неподходящее время, в черный час, и сгинул, исчез бесследно.

Вывод – курение опасно. Можешь пропасть без вести. Я еще не отошел от разговора с классной, как по школе пронесся слух: в парке по дороге в школу пропал мальчик.

Подобные слухи не новы, и я не очень-то и внимание обратил, пошутил:

– Может, докурился пацан?..

Напряжение – это не ток в проводах, оно в голосах учителей, старающихся скрыть тревогу. Волнение не в море – в учительской, за запертой дверью.

На большой перемене шушукались: мальчика нашли в старой части парка в туалете, в тяжелом состоянии увезли в больницу. Мальчик будто сам выполз на дорогу с перебитыми ногами и переломанными ребрами.

– Лапа начал охоту, – говорили.

Старшеклассники своими предположениями не делились, но сестра Чемпеля, ни в жизнь с нами не разговаривавшая, вдруг подошла, мы сидели под лестницей у спортзала, сказала, чтобы не вздумали шляться в парке, лучше обходите парк дорогой, и где ваш рыжий? По одному не ходите, не бродите. Одиночка – потенциальная жертва маньяка.

Вот оно – маньяк. Молча переглянулись, типа вот и ответ.

– Я Муху предупрежу, – сказал я. – Рыжего, – добавил.

Сестра Чемпеля кивнула, отошла.

Как всегда не вовремя, прозвенел звонок. И обсудить тему маньяка мы не успели, а в конце дня все говорили про чудовище и комендантский час.

Черный час – это даже не час, некий промежуток времени, не подчиненный этому самому земному времени, когда происходит что-то из ряда вон. Разрез между миром живых и миром потусторонних в черный час приоткрывается, как сковырнуть зажившую рану, и вытекает нечто, что не поддается разумному объяснению...

Комендантский час был всегда, негласно, сегодня же его озвучило радио и телевидение. С наступлением темноты несовершеннолетним запрещено появляться на улице без сопровождения взрослого. Черный час стал реальностью. Проявился, выпустил чудовище...

После ужина смотрели телевизор, из-за поднявшегося ветра антен-

ну штормило, и отец злился, потому что закон подлости срабатывал, изображение пропадало в самый интересный момент. Смотрели фильм про войну. Смотрел, впрочем, один папа, мама убирала со стола, я на ковре делал вид, что читаю энциклопедию, на самом деле ждал звонка от Мухи.

Кино прервал спецвыпуск местных новостей. Я стал одним большим ухом.

Сообщение диктора о введении часа бодро комментировал папа и корректировали помехи.

...Пострадавший третьеклассник в состоянии... реанимации... Не первый случай в городе... С 21 часа... Чудовище... окрестили средства массовой...

– Я сколько лет говорю, дети с пеленок шлятся без присмотра. Раздолье маньячное. Сам бы стал таким от такого соблазна. Слышь, Петь?.. Как тебе – батя-маньяк, а? – стукнул меня ногой по плечу: – Ты, поди, сразу сдал бы меня, Павлик Морозов наш, – развалился на диване, снова попытался достать меня ногой, я отодвинулся.

– Какой из тебя маньяк, – усмехнулся.

– Так ты бы и не знал, думаешь, у этих психов нет семей? Да все они семейные, вот и крыша съезжает от бытовухи.

Мама вернулась недовольная, видно по лицу и голосу:

– Что, совсем оба уже?.. Тему для разговора больше не нашли... У людей горе. Не дай Бог никому.

Телефонный звонок, и в один миг меня нет в зале. Я уже держу трубку телефона и сквозь страшный треск и помехи слышу голос друга.

Муха сказал:

– Завтра.

Связь оборвалась.

Звезданутость (Эхо)

Ближе к вечеру собрались все в гараже у Чемпеля. Место машины давно заняли самодельные тренажеры, подвесные гири, скамейки со штангами, две боксерские груши...

– Батя собирался новую иномарку покупать, – как бы оправдывал появление собственноручно собранных качалок Лёха, – да все никак, а старую «Волгу» продал, – вздыхал, терзая эспандер, Чемпель.

Он рассказал, услышал от сестры, что старшекласники с родителями собрали отряд добровольцев, патрулируют вокруг школы и парк. А еще, что задержаны подозреваемые.

Настроение по погоде, веселье на нуле, лишь дождь бомбит, не уставая, и одно на всех желание – забраться поскорей под одеяло...

Сегодня ночевка у Мухи, его мать позвонила моей, сказала, что это единственный способ нормально пообщаться с сыном.

Они жили возле треугольника, на втором этаже двухэтажного дома, в трехкомнатной квартире. Комната Серёги была соединена с застекленной лоджией, и летом мы проводили все время там, у распахнутых окон перед бесконечным звездным небом. У самого начала Вселенной – так мы считали.

Мы давали свои названия созвездиям и звездам, а на следующую ночевку, конечно, не могли их вспомнить и придумывали новые.

Как и полагается, у каждого было по несколько собственных созвездий с нашими именами и фамилиями. Созвездие Мухи Бессмертного, например, или Петрушкин Клык. А уж над названиями звезд как мы изгалялись...

Смеялись, бывало, до слез, и небо становилось ближе. Оно проникало в нас всей своей громадиной, опрокидывалось, заполняло. Хотелось прыгнуть с лоджии в полной уверенности, что не разобьешься, что ты – часть неба... Звезданутость оставалась в нас надолго, и во сне, где летать в порядке вещей, и наутро еще ощущалось ее присутствие больным, как после занятий на пресс, животом, и легкостью в походке: подпрыгни и взлетишь к потолку. Думаю, звезданутость остается в нас до конца. Потом мы отправляемся на небо и сами становимся звездами, а на Земле остается эхо нас. Наше эхо.

Сигналы

Жареная гречка хрустела поломанными плексигласовыми висюльками, но, несмотря на это, была хороша. Закидывали горстями прямо с горячей сковороды, обжигая язык и нёбо, перебрались на лоджию. К этому времени тетя Кристина успокоилась, не икала, лишь изредка вздыхала, глядя на нас:

– Не спешите взрослеть, мальчишки, в этом нет ничего хорошего.

Из распахнутых окон виден угол треугольника, там по обыкновению мы жгли костры. А когда не было звезд, как сейчас, поджигали длинные прутья и поднимали над головами крохотные светильники. Творили свои звезды. Оранжевые, голубые светлячки прожигали ночь, рисовали на темном холсте крученые параболы и тайные знаки... Хотелось больше звезд, много, секстиллион секстиллионов, тогда в руках вспыхивали факелы. Разрезая тьму, мы грозили пламенем бесконечному космосу, ощущая себя властелинами планеты, победителями мрака.

– Помнишь, ты сказал, что факелами мы подаем сигнал инопланетянам? – задумчиво сказал Муха, перегибаясь через подоконник.

– Думаю, они видят, как мы им сигналим, – взял зажигалку друга, щелчком сотворил крохотное пламя. – Если бы они прилетели и решили забрать тебя с собой, ты бы согласился?..

Я посмотрел на Муху, профиль серьезный, строгий, взрослый.

– Не прилетят, – профиль обернулся анфас. – Да и не нужен я им. Тут никому толком не нужен, на Земле, а на небе тем более. Космос не для нас. Не для меня точно.

Погас маячок Мухи, нет сигнала, он растворился мгновенно в темноте.

– Буду сигналы под землю посылать. С мертвецами, в гробах, записки с вопросами всякими, о том свете, о жизни там и тут, про черные дыры спрошу обязательно, и эликсир бессмертия... Они ведь там все уже знают, вот пусть поделятся со мной. Засыплю их записками-сигналами и рано или поздно, – Сергей подмигнул мне, – и рано или поздно кто-нибудь ответит.

И ясной четкой картинкой в проеме открытого окна – Муха, бегущий и обгоняющий поезд.

На человеческом языке

Ощущение, что это последняя наша ночевка, не покидало с той минуты, как переступил порог квартиры, оно было и раньше днем, и утром. Оно поселилась с того момента, как мама сказала про звонок тети Кристины:

– И чего вам, мальчишкам, не жить дружно с родителями? – мама сделала что-то с голосом, он зазвучал тверже, настойчивей: – Ведь все ради вас и делается. Столько сил и нервов, столько всего... Серёжа рано столкнулся с реальностью. Развод, суды, обвинения, то папа плохой, то мама злоупотребляет чрезмерной заботой... Мне честно жалко вашего Муху и радостно, что ты на его стороне. Завтра отправляйся на ночевку, но обещай не курить.

Вот за это я обожаю маму! И за много чего еще!

Поэтому, переполненный тоской, лег к Мухе с тетрадкой, исписанной каракулями, моим новым рассказом-ужасиком про то, как в одном, конечно же, американском городке, у нас бы сроду ничего такого не случилось, заговорили домашние животные.

Муха слушал, заложив руки за голову, уставившись в потолок, и не дышал, пока пожилая пара убивала друг друга после прослушивания сообщений, оставленных на автоответчике их шестнадцатилетним котом. Кот поведал об обоюдных изменах стариков, рассказал в деталях, где, когда, как и с кем.

История заканчивалась хэппи эндом для всех животных. Люди уничтожили друг друга, и в городе остались одни кошки да собаки с курами.

– Хороший рассказ, – вынес вердикт благодарный слушатель. – И название «На человеческом языке» отличное, одно но.

Я привстал, выкатив на друга глаза, это у нас называлось «словить мину».

– Заграничные имена, Петруш, ну к чему они?.. Чем наши Маньки и Васьки хуже?..

Где-то внутри я давно ожидал подобного, поэтому кивнул:

– Да, мне тоже Джулии эти и Сэмы не по вкусу, честное слово, – признался, и легче стало от этого, будто сам заговорил на своем, человеческом, – сочиняю и долго мучаюсь с выбором имени, с фамилиями нерусскими так совсем завал. Фу, – выдохнул и вдохнул себя нового.

– Кот Барсик отомстит покруче каких-то там Тома и Джерри, – Муха вытащил из-под меня одеяло, укрывся. – И станешь ты самым классным писателем и художником, и будет у тебя жена какая-нибудь актриса или модель, дом, домов у вас будет по всему миру куча, но жить вы будете на берегу океана...

Завалившись на спину, вытянулся в сплошную, бесконечную улыбку. Улыбка самого-пресамого счастливого человека на Земле.

– Про меня разрешаю не писать, хотя могильщик – тот еще персонаж, – Муха вздохнул с надрывом. – Только я буду грустным могильщиком, никакого экшена со мной не получится, одна скукота.

– В скуоте свои ужасы, – ляпнул, не задумываясь.

– Да, – согласился резво Серега, – вот тебе и название готовое «Убийственная скукота».

– И в конце все умрут.

– От скуки.

– Могильной.

Мы посмеялись, лежали рядом друг с другом, уставившись в потолок, а на самом деле смотрели сквозь него, сквозь шифер крыши и темную толщу ночного неба, туда, где один язык на всех. Язык звезд.

Четыре Конца Света

Последняя неделя сентября – раскаленное добела солнце, асфальт – мягкий пластилин, горячий, так и хочется взять и начать лепить вместо осени лето.

У Чемпеля депрессия, он подозревает Олю Рожкову в измене.

Тимур решил всерьез похудеть и запретил называть его даже в

шутку «Пельменем».

Мне же каждую ночь снятся кошмары с ожившими машинами-монстрами, превращающими поселок в руины.

– Они стерли с лица земли наше детство, – говорю я.

«Они» – это взрослые, конечно же. Те, кто так или иначе причастен к уничтожению треугольника, к появлению забора, и ничего не предпринявшие, мирно смотревшие на катастрофу взрослые.

Это больше, чем просто катастрофа, это Конец одной второй части Света! И все виновны в этом! – пишу в тетради, где начал неделю назад новый рассказ. У героев рассказа с черновым названием «Четыре Конца Света» наши русские имена и фамилии.

По задумке некая высшая сила предлагает четырем разным непохожим людям с разных концов Земли (но все будут русскими по чистой случайности, а может, по задумке высшего разума) придумать свой собственный сценарий Конца Света.

Ну, те и рады стараться, разносят Землю всеми невероятными и невозможными способами...

Один из способов уничтожения – машины, все без исключения виды транспорта и даже игрушки, по сценарию, стали громить все вокруг, а выведенные из строя взрывались самым настоящим ядерным взрывом.

– А прикинь, если все, что бы ты ни написал, сбывалось?! – Муха присвистнул, я раскрыл рот, а он выдал: – А давай, попробуй написать что-нибудь про нас, и проверим.

Я пролистал тетрадь с четырьмя Концами Света.

– Напиши, скажем, про то, как у Яшки язык стал жить собственной жизнью. И прикольно, и поглядим, сбудется, нет.

– Запросто. Напишу за ночь.

Друг поднял ладонь, и я ударил по ней.

– Если все получится, – бросило меня в пот, – мы и маньяка поймем, и треугольник вернем.

У меня загорелось в груди, будто глотнул кипяток, ладони зачесались в точности как тогда, после стекловаты. Ноги понесли по дышащему от распалившегося солнца асфальту к дому номер два по улице Дворцовой.

Очередной Конец Света вновь откладывался на неопределенный срок.

Волшебное слово

Потерялся во времени. Растворился где-то между сном и явью. Потерялся, как в самом страшном своем кошмаре, где нет ориентиров. Нет

дна, нет солнца...

Будто весь мир – это стереокартинка, и я завис в ней, в этой неизвестности, и выход один... Я его знаю, помню. Круговорот поедания самого себя в природе. Только я не могу пошевелиться, я застывшая крупинка в окаменелой массе и, чтобы спастись, я должен произнести слово. Волшебное слово. Все всегда решает одно слово. Секретное слово. Как ключ от всех дверей. От Вечности...

– Отомри, – пароль в игре «море волнуется раз», в остальных случаях не срабатывает – проверено. Как не помогают и другие пароли – «пожалуйста», «клянусь мамой», «ради бога»... Я пробую, произношу сначала про себя – «смерти нет», потом вслух добавляя: – Смерть – она для слабаков.

И вижу себя царапающим ржавым гвоздем этот пароль, слово в слово, на гнилой доске туалета. Трухлявая доска крошится, я протягиваю ладонь, пытаюсь поймать чешуйки и хватаю себя за нос.

В том, что это нос, убеждаются и глаза, сперва веки приоткрываю чуток, смотрю сквозь ресницы, по всем ощущениям, я в своей комнате, лежу в кровати, схватив себя за самую выпирающую часть лица, ресницы распахиваются.

На прикроватной тумбочке бумажно-картонные упаковки лекарств, стакан с водой наполовину пустой, две ложки – одна чайная и столовая с белесыми следами от растолченных в них мамой таблеток. Градусник, я присмотрелся, серебряная стрелка ртути на отметке 38. Откусанное зеленое яблоко пялится поржавевшей, сморщенной раной.

За окном, не понять, серое утро или вечернее угасание?..

Тяжесть в затылке, напоминание о прошедшей головной боли. Боль никогда полностью не проходит, она прячется, как все эти чудовища из черного часа, как маньяк, которого никак не поймают...

Во рту вяжет, как после съеденной хурмы, ни слюнки, горький привкус отрыжки таблетками...

Утро или вечер? Поднимаюсь из жаркого, липкого нутра постели. Словно сам стал жертвой своего оружия – огнеметной розы, теперь вот восстаю из пепла... В подтверждение хрустят коленки.

Хруст как шифр к коду, как пароль к старту воспоминаний.

АНГЕЛ НА ЧЕРДАКЕ

Рассказ

Моему ангелу-хранителю

1

Детство невозможно без ангелов. Ангелы и привидения, домовые и места силы, безумные ведьмы по соседству и таинственные животные в темных уголках городского парка... Это часть детства. Сказочный, волшебный грот, через который проникаешь во взрослую жизнь. В жизнь, где нет больше места чуду.

Про ангела-хранителя рассказывала сначала бабушка. Потом мама. Ангел дан каждому из нас Богом. Он невидим, но всегда и всюду рядом с нами. Его присутствие ощущаемо особенно ночью, перед сном, когда засыпаешь, и на рассвете, при пробуждении, можно почувствовать дыхание хранителя. Сладкое, теплое, как объятья мамы. Мамины поцелуи.

– А в полночь ангел отправляется к Богу с отчетом за день. Рассказывает, какие дела ты совершил, что нового узнал, о чем думал и о чем мечтал...

Это уже я нашептываю засыпающей дочери на ушко. Ей почти пять, и она обожает истории про ангелов. Детство идет ей навстречу, скорее, бежит вприпрыжку с распростертыми объятьями.

Я рассказываю. Она держит меня за большой палец, проваливается в зыбкий сон, но вскоре снова слушает с раскрытым ртом и широко распахнутыми глазницами. Я вспоминаю...

Поздней, поздней осенью температура сбила меня с ног. Месяц, как мне исполнилось двенадцать лет. Я лежал в кровати, укутанный двумя одеялами, и то дрожал от холода, то закипал, как чайник на плите. Мокрые простыни мама меняла несколько раз на дню...

Рассказываю дочке не все. Есть вещи, которые остаются нерассказанными никогда. Никому. С тобой. В тебе...

Строчка в больном мозгу, одна строчка из стихотворения, которое учил не так давно в школе: «тлеет скарлатины смертный огонек»¹.

У меня скарлатина и гнойная ангина. Диагноз запомнил на всю жизнь. От скарлатины раньше умирали, знал я. Теперь она лечится. Но смерть пряталась за печкой. Я видел ее за занавеской, в углу между шкафом и стеной. Она таилась, кружа неподалеку... Она была в старом сол-

датском пальто, в таком же, что и дед на фотографии с войны. На голове шутовской колпак, где вместо бубенчиков черепки. Лица у смерти нет – пустота, в которой порхает полчище серой моли... Она не говорит. Не издает ни звука, лишь шорох падающей листвы. Ее шаги – тиканье часов. Тик-так. Она возле кровати. Тик-так. Тенью пробежала по потолку. Тик-так. Смерть спряталась за дверь. Тик-так. Ее спугнула мама. Мама вошла в детскую, принесла с собой поток ароматного свежего воздуха. Поток жизни и здоровья. Я закашлялся, и мама взяла мою голову, положила себе на колени. От ее прикосновений стало легче дышать.

– Я слышал ангела-хранителя, мама, – выдавил я, – он ходит там за потолком. На чердаке. Я считал его шаги. Он надо мной...

– Да, да, сыночка, я знаю. Он всегда дает о себе знать, когда тебе плохо. Когда болеешь. Поддерживает тебя. Напоминает о себе своими шагами. Своим присутствием. Ты скоро поправишься.

– Правда?

И мама отвечала:

– А то!

– А то? – переспрашивает меня дочка.

И я повторяю. И я продолжаю:

– Я слышал, как кто-то ходит наверху. А там у нас чердак, где масса интересных вещей: старых журналов, неполных сервизов, игрушек, книг...

– Это был ангел? – глаза дочки ясны, в них ни капли сна.

– Ангел. Он ходил надо мной. Стучал в потолок и стены, словно выступивал какие-то магические заклинания. А потом я услышал песню...

– Ангелы умеют петь, папа? – Она привстала с кровати и заглянула мне в лицо. Глаза в глаза.

Я ответил:

– А то. Еще как.

Она легла. Вся покрасневшая, сияющая.

Мы молчали, думали об одном и том же, о том, как поет ангел...

Тогда же я узнал, что такое бред. Он начинался с видений. Карандашница на столе изменялась. Деформировалась и взрывалась. Только взрыва не было, он был в моей голове. Вокруг же все стекало расплавленным воском. Ручки с карандашами текли по столу и капали на пол. Потолок плыл волнами, радугой изгибались стены... Я проваливался в температурный бред и оказывался там. На чердаке. Рядом с ангелом. Бе-

лоснежный, со здоровенными, больше чем он сам, крыльями, ангел ходил по чердаку, рисуя понятные лишь ему знаки. Магические письма. Исцеляющие... Он писал их серебристой пудрой, что сыпалась с его крыльев. Ангел-хранитель тихо напевал...

Возвращаясь в себя, я открывал глаза, но все еще слышал пение ангела. Он все так же, подобно шаману, плясал на чердаке, и от этого священнодействия мне становилось свободней. Я дышал без хрипов в груди, появилось желание поесть, захотелось смеяться...

– Мне надо встретиться с ним, – уговаривал я маму, – подняться на чердак и увидеть его, поблагодарить за выздоровление...

Мама обещала:

– Ты еще встретишься с ним, вот увидишь. Ты еще слаб, тебе нельзя вставать с постели, а на чердаке холодно и крыша протекает, там пыль-но...

– Но ангел же там... И я почти здоров...

– Всеу свое время, родной, – и гладила меня по голове, и напевала в точности, как ангел. И я засыпал, и снова оказывался на чердаке с ангелом.

Я закончил. Дочка целует мою колючую, небритую щеку.

– Спасибо, папа, ты мой ангел-хранитель, – говорит и тут же засыпает.

С чувством человека, побывавшего в прошлом, возвращаюсь к работе. Пишу большой материал для серьезного издания. С женой мы больше года как в разводе, и пять месяцев, как пробовали вновь сойтись. Дочь Нина большую часть времени со мной. Да почти всегда, за редким исключением.

– Времени, – говорит бывшая, – у меня в обрез, и ты сам настоял на ребенке, если помнишь. Я на все это пошла только из-за тебя. Так что не обессудь...

– Я никогда не стану моделью, – обещает дочка, – буду сочинять книжки про ангелов.

И почему-то мне верится, что так все и будет.

2

Грузовика я не увидел. Услышал грохот позади себя и даже не успел обернуться. Разрывная молниеносная боль пронзила спину, меня отбросило вместе со столиком куда-то к витрине уличного кафе.

«Вот так попил кофейку», – мелькнула мысль. Я, кажется, успел

улыбнуться, а потом наступила тьма. И, о да, в ней был плач и скрежет зубов.

Опять всему виной стал человеческий фактор, так напишет какой-то журналист в городской газете. Он напишет, что водитель возвращался с двойной смены (ночь, день, ночь) и задремал за рулем. Потерял контроль над управлением. Протаранил столики в уличном кафе «Ласточкино гнездо». Двое погибших. Пятеро раненых.

Он и про меня там напишет. Но не будем об этом.

Мама прочтет мне это в больнице через неделю после аварии. Нина будет крепко сжимать мой большой палец и стараться не плакать, но я слышу, как она дышит, как слезы заполняют ее сердечко, и как бегут слезинки из больших зеленых глаз. Слышу, как стучит ее сердечко – стучит прямо о мое...

– Пусть снова придет ангел, – молит она.

И бабушка, моя мама, тихо ей отвечает:

– Так все и будет.

Они уходят, и я вижу, как лампы надо мной меняют форму, они превращаются в объемные светящиеся капли, а потом срываются и разбиваются об меня, об кровать, об пол...

Я проваливаюсь, пропадаю, возвращаюсь назад...

Это мое детство. Третий день как я поправился после тяжелой болезни. Я поставил лестницу и залез на чердак.

Ангела там не было. Все было, как и раньше – старые шкафы с разнокалиберной посудой, стопки книг, какие-то сувениры, клубки ниток, плюшевые игрушки... Одно «но» – не было привычной пыли. Не сказать, что все сверкало чистотой, но чердак был убран, как никогда. Все лежало аккуратно на полках или собрано в стопки по коробкам. Пахло дождем и чем-то знакомым:

– Нарциссы? – гадал вслух я, отыскивая следы пребывания ангела.

– Лимонные корочки? Ваниль? Розовая вода? Чабрец?..

Я так и не угадал запах. Залазил на чердак снова и снова... И однажды нашел все-таки след ангела. Перышко необыкновенно серебристого цвета. Оно застряло между рамой и стеклом чердачного окна, и все это время светило в лучах солнца. Теперь было пасмурно, и вместо солнца засветилось оно. Сердце екнуло, душа потянулась раньше, чем руки за находкой:

– Вот оно, – прошептал, – я верил. Верил!

Прикоснулся к перышку и словно проснулся, в голове стало чисто

(как на убранном чердаке) и ясно. Может, это называется – повзрослел?..

В больничной палате очнулся, наполненный до щекотки в горле тем самым запахом из детства. И, не поверите, над моей головой кто-то тихо заходил из стороны в сторону.

Медсестра, так сильно похожая на мою бывшую жену, клянется, что в палате сверху никого:

– Сама ради вас сейчас сходила, проверила, – она разводит руками, – пусто. В выходные многие ходячие домой торопятся.

– Ходячие, – усмехаюсь, – у меня вон свой ходячий... Крылатый... Я уже могу говорить, но ноги все еще не хотят выполнять приказы мозга.

Не сдаюсь. И днем, и ночью во сне повторяю как заклинание, как молитву – наказ Иисуса парализованному юноше:

– Встань и иди! Встань и иди! Встань!..

А шаги над головой сильнее, настойчивее... Постукивания, словно азбука Морзе, перемещаются по палате тоже с какой-то неизвестной мне закономерностью.

Через три дня я услышал знакомое пение.

Попробовал записать все, что слышу на диктофон в телефоне. Пока прослушивал, что получилось, позвонила бывшая. Рыдала в трубку, истерила – это у нее естественное состояние, когда не выходит так, как она планировала:

– Все, брошу всю эту модельную хренотень! – после развода она стала крепко выражаться: истинная природа, видно, рвалась наружу.

Попросил успокоиться. Она пообещала наглотаться таблеток:

– Все просиренила! – кричит. – Ребенка просиренила, мужа просиренила, молодость, жизнь...

Снова прошу успокоиться. Она отвечает, что напьется и бросится с многоэтажки.

Говорю ей:

– Если все так плохо, возвращайся, попробуем еще раз. Может, в третий раз получится...

– Бог любит троицу, – соглашается. И больше не плачет.

Она целует меня бесконечное число раз – так она говорит, – и отключается.

Я включаю запись диктофона. И... Вот они, шаги, ясно различимы сквозь гул ламп дневного света, и вот он, тонкий голосок, напевающий непонятную мелодию.

От восторга задыхаюсь и произношу лишь одно:

– Попался!

Мама приходит каждый день с дочкой. Нина рисует мне каждый день нового ангела.

– Бабуля только крылья помогает рисовать, – оправдывается.

Рисунки с разноцветными ангелами висят по всей палате и на лампах дневного света тоже.

– Ангел вернулся, – делюсь с родными людьми, – я снова его слышу.

Дочка хлопает в ладоши, прыгает, смеется. Мама легонько улыбается и говорит в точности, как тогда, двадцать пять лет назад:

– Ты еще встретишься с ним, вот увидишь.

И гладит меня по голове, и словно не было всех этих лет, будто мне снова двенадцать, и я только переболел скарлатиной.

– Разве при жизни это возможно, мам?.. – спрашиваю я двенадцатилетний.

– Ты добрый, – шепчет мама, – твоя душа чиста и открыта волшебству. Значит, возможно все.

Как только любимые ушли, вновь напомнил о своем присутствии ангел-хранитель.

Заранее, еще в обед, у инструктора по лечебной гимнастике попросил костыли.

– Осмелитесь прогуляться в одиночку? – интересуется он. – Барышню, никак, приглядели?.. Понимаю. Уважаю. Сделаю.

С костылями ходить непривычно, а подниматься по ступенькам уж лучше ползком, быстрее будет.

На верхний этаж поднялся минут за пятнадцать. Ангел обычно затихал к полуночи. До времени стрелок, указывающих на небо, как минимум, еще час, и я не тороплюсь. Только постукивание костылей напрягает. Как бы не спугнуть этим бабаханьем крылатого...

И тихо идти не получается, в больнице лишь робкие перекрикивания больных да телефонные рингтоны.

Палата № 77 – там скрывается мой ангел-хранитель.

Останавливаюсь. Пот бежит по лицу, щиплет глаза, заползает под воротник пижамы... Сердце колотится о грудь и отдает в дерево костыля, на который я облокотился, чтобы перевести дыхание.

«На счет три», – решаю я.

И вот опять этот ласкающий нос и душу запах. Тонкий, едва уло-

ВИМЫЙ.

Мне снова двенадцать, я на чердаке в поисках следов ангела пытаюсь определить, чем же это так чудно пахнет:

– Нарциссы? Лимонные корочки? Ваниль? Розовая вода? Чабрец?..

Откровения на то и откровения, что приходят внезапно, как удар грузовика в раннее утро:

– Духи.

А перед глазами флакончик в бархатной розовой коробочке и непонятные двенадцатилетнему мальчишке слова на французском.

– Как? Как же?..

Дрожь от волнения, слезы, давно ожидавшие своего часа, побежали по щекам, сердце, казалось, встало поперек горла. Я не мог произнести этих слов, они звучали во мне:

– Как же? Как? Почему раньше не догадался? Не понял?..

– Всему свое время, родной, – сказала мама больше чем двадцать пять лет назад.

– Ангел на чердаке! – не знаю, воскликнул вслух или все также голос кричал это во мне. В голове. В сердце...

Костыли бабахнули о больничные плиты. Я навалился на дверь палаты, и она поддалась.

Белый свет ослепил своей чистотой. При встрече с ангелом-хранителем иначе и быть не могло. Пахло духами из детства. Пахло детством. Детство – от него нельзя убежать, как бы ты ни хотел... Детство, которое всегда с тобой.

И вернулось чудо. Чудо, которое может вернуть только один человек на Земле. Не человек – твой ангел-хранитель.

Минута, и глаза привыкли к свету. Стоя лицом к лицу с ангелом, я продолжал молча плакать. Да и какие тут могут быть слова...

Если только одно самое известное Слово. И самое сильное. Как молитва. Как спасение. Как жизнь. Его можно произнести всего двумя слогами, но оно вмещает всю бесконечность Вселенной, все, что есть, даже Бога.

И я его произнес!